

ПОЛЕТ ПО ПЛАНЕТАМ

Академик В. А. ОБРУЧЕВ

Рис. В. Таубера

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Недавно у меня был интересный гость — один из летчиков Главного управления Северного морского пути. В своих полетах над Ледовитым океаном они изучают состояние и перемещение ледяных полей, находят удобные пути для судов, направляемых с запада и востока в гавани побережья Сибири для доставки товаров в устья больших сибирских рек, для снабжения работников полярных станций и местного населения и для вывоза разных грузов, прибывающих по сибирским рекам.

Этот летчик бывал у меня перед Отечественной войной, когда он участвовал в ледовых разведках при изучении «полюса недоступности» и в поисках неизвестных земель среди льдов — земель Андреева и Санникова. Теперь, спустя столько лет, он снова навестил меня.

— Я недавно вернулся из очень интересного, даже

чрезвычайного полета, — сообщил он, поздоровавшись со мной.

— Неужели нашли, наконец, загадочную Землю Санникова? — обрадовался я. — В каком месте? В виде погасшего вулкана, так, как я описал в своем романе? *

— К сожалению, Земли Санникова еще не нашли, — улыбнулся мой гость. — И я боюсь, что этой земли вообще уже нет, что она, как уверяют наши гидрологи, растаяла в связи с потеплением Арктики.

— Да, они думают, что эта земля состояла из ископаемого льда, как некоторые другие острова Ледовитого океана, которые тают на наших глазах и исчезают. Но в отношении Земли Санникова это еще нужно доказать.

* В. А. Обручев, Земля Санникова.

— Мы были гораздо дальше, чем вы думаете. Я участвовал в испытательном полете по внутренним планетам нашей солнечной системы.

— Что вы говорите?.. На какого рода снаряде?

— Ракетном, реактивного действия. И полет был удачный. Как видите, я вернулся жив и невредим.

— На какой же планете вы побывали? Вероятно, в первую очередь на нашем спутнике — Луне?

— Луна интересна только для геологов. На ней нет ни воздуха, ни воды, никакой жизни. Мы были гораздо дальше, — мы посетили Венеру и Марс.

— Вот так полет! Расскажите, какова скорость движения, способы посадки и старта снаряда, его защиты от космических лучей? Какая аппаратура?

— Об этом рано говорить. Ракета со всеми особенностями ее устройства — наше советское достижение последнего времени. Вот все, что можно сказать вам о снаряде.

— А наблюдения на планетах? О них можно пове-
дать?

— Это можно. Скоро будет опубликован научный отчет, который составляют наши ученые, участники полета. Я могу сообщить только свои впечатления — не ученого, а только помощника штурмана, который видел все своими глазами и слышал некоторые объяснения ученых — астронома, геолога, палеонтолога.

— Расскажите! Буду слушать с величайшим вниманием.

* * *

— Прежде всего, — начал свой рассказ летчик, — мы взяли направление на Венеру. Не буду описывать всего нашего пути, да и вас, я знаю, больше интересует, что мы увидели на самой планете.

Когда мы приближались к Венере, я сменился с вахты и, признаться, так крепко уснул, что не видел, как выглядит эта планета с близкого расстояния. Проснулся я, когда мы уже пробивались через пелену густых туч, которые ее окутывали. А когда пробились, — увидели под собой ландшафт, очень напоминавший нам земной, где-нибудь в Индийском море: большие зеленые гористые острова между широкими проливами, как будто мы летели на большой высоте над Явой, Суматрой, Целебесом и Борнео. Снаряд опустился на воду вблизи берега большого острова. Мы не могли, естественно, рассчитывать на то, что встретим на планетах подготовленные для нас ракетодомы. Наш снаряд был приспособлен поэтому для посадки и взлета с воды. Берег, около которого мы сели, оказался плоским и причалить к нему было удобно.

На воде сразу обратили на себя наше внимание крупные плавающие животные, похожие на больших черных

лебедей с длинной шеей и маленькой головой на широком туловище. Но, подплыв к одному из них поближе, мы рассмотрели, что шея и туловище этого лебеда покрыты не перьями, а гладкой блестящей кожей и что вместо длинного и плоского клюва он раскрывает зубастую пасть. Это были огромные ящеры, похожие на плезиозавров нашей Земли, как объяснил наш палеонтолог.

Пока наш снаряд медленно плыл к берегу, мы заметили, что в воде мелькают рыбы разных величин и пород, плавают прозрачные бахромчатые медузы, годовоногие моллюски с большими щупальцами, маленькие черепахи. Над спокойной поверхностью воды непрерывно проносились мелкие и крупные крылатые ящеры, похожие на наших летучих мышей и по общему облику, и по своему полету. Только головы у них были покрупнее, и в разинутых клювах видны были острые зубы. Когда один из них подхватывал на лету с поверхности воды зазевавшуюся рыбу, другой ящер начинал преследовать его, стараясь отнять добычу, третий присоединялся к погоне. В воздухе все время мелькали их проворные тела.

Причалив к берегу, мы вышли на обширный луг, покрытый густой травой и небольшими кустами. В разных направлениях шли протоптанные тропинки, то узкие, то широкие. Мы направились по одной из них; конечно, с винтовками наготове. Проверив еще раз состав атмосферы, мы сняли кислородные маски: можно было обойтись и без них. Воздух на Венере теплый и влажный, но не захватывает дыхания. Вдали на лугу паслись какие-то животные, к которым мы и направились. По пути заметили, что в траве шмыгают небольшие четвероногие величиной с кошку, желто-бурые, полосатые и очень проворные — рассмотреть их не удавалось.

— Вероятно, млекопитающие ранней стадии развития. Непременно нужно раздобыть их! — сказал наш палеонтолог.

Пасущиеся звери поднялись из травы и рассматривали нас с удивлением. Они были выше человеческого роста. «Игуанодоны юрского периода», — определил их тот же ученый. Общей формой тела игуанодоны похожи на австралийских кенгур, но крупнее их и покрыты блестящей кожей серо-зеленого цвета. Голова большая, похожа на лошадиную, шея длинная, довольно тонкая, передние лапы маленькие. Глядя на нас, они пережевывали траву, захваченную толстыми губами, и кивали головами. А потом, чего-то испугавшись, бросились бежать, неуклюже, но быстро переваливаясь на массивных задних ногах. Палеонтолог успел сфотографировать их, как только они поднялись. Игуанодоны рвали траву, согнувшись и помогая себе передними лапами. Отбежав недалеко, они остановились, повернувшись к нам, и продолжали жевать толстые стебли.

В воздухе над лугом изредка проносились, разинув зубастые пасти, летучие ящеры величиной с гуся. Я заметил, как один из них, упав камнем в траву, потом поднялся, держа в зубах какого-то буро-желтого зверька.

Ящер унес свою добычу на дерево соседней рощицы, к которой мы подходили, и уселся на сук, собираясь пообедать. Наш палеонтолог поднял электрическую винтовку и выстрелил. Ящер выронил свою жертву, и сам упал вместе с ней. Когда мы подошли, оба зверя уже не двигались, и мы подобрали их, чтобы рассмотреть подробнее уже в ракете.

Роща состояла из больших папоротников, хвощей, цикадовых, похожих на пальмы, с густым подлеском из кустов разного облика. Наш ботаник, конечно, наломал веток растений разных пород с цветами. На листьях ползали голые и мохнатые гусеницы, бегали мелкие и крупные жуки, в воздухе реяли стрекозы и другие крылатые насекомые разных форм и цветов. Их было так много, что иные то и дело налетали на нас и падали на землю или садились на платье, с которого приходилось их стряхивать. Их преследовали небольшие крылатые

ящеры, проворнее крупных, хватали и садились с добычей на ветки деревьев и кустов, чтобы проглотить ее без помехи. Рощи, особенно с теневой стороны, изобиловали этими насекомыми и их преследователями.

Миновав рощу, мы спустились к пляжу большого озера, усыпанному мелкой галькой яркокрасного цвета, — представьте себе этот удивительный пейзаж! Здесь мы сразу наткнулись на больших черепах, занятых кладкой яиц. Своими толстыми когтистыми лапами они разбрасывали гальку в стороны, вырывали длинную впадину вроде жолоба, и затем самка, двигаясь вдоль нее, укладывала одно за другим десяток белых яиц, а самец, ползший немного левее, забрасывал их галькой. Черепахи были все темножелтые внутри щитков и темнобурые по их окаймлению.

Какие-то продолговатые холмы недалеко обратили на себя наше внимание тем, что они как будто вздрагивали. Эти движения выдавали, что это живые существа, а не валы гальки, набросанные прибоем. Мы приблизились и действительно увидели огромных зверей, вытянувшихся на пляже. После обильной еды они, вероятно, отдыхали. Туловища их поднимались плоским горбом, от которого в одну сторону тянулся, понижаясь, огромный хвост, а в противоположную — нетолстая шея, оканчивавшаяся головой, совершенно крошечной по сравнению с массой тела. Окраска животных — буро-зеленая, с продольными более темными полосками — усиливала их сходство с валиками прибоя. Над зверями вились роями крупные мухи и пытались садиться им на спину. Вздрагивая, животные отгоняли докучливых кровопийц.

Мы остановились шагах в сорока от зверей. Наш палеонтолог, посмотрев в бинокль, объяснил нам: это, вероятно, бронтозавры, безобидные пожиратели водорослей. Они пугают только массой своего тела.

Нам захотелось узнать, как будут выглядеть эти земноводные чудовища, когда они встанут во весь рост. Подходя ближе, палеонтолог выстрелил в воздух. Бронтозавры вскочили — довольно-таки проворно, учитывая размеры их тела. Вытянув хвосты и подняв головы, они побегали, покачиваясь на ходу, к воде. Их было четверо. Тяжело ступая массивными ногами, похожими на ноги бегемота, и разбрызгивая воду во все стороны, они зашли в озеро до половины брюха, остановились и, повернув головки в нашу сторону, рассматривали нарушителей их обеденного отдыха. Теперь было видно, что спина их поднималась выше поднятой руки человека среднего роста; длиной же, от головы до конца хвоста, они были метров в двадцать.

— Сколько же такая машина должна ежедневно поглощать растительности для своего существования?.. — воскликнул ботаник.

Но тут наше внимание было отвлечено другим зверем, который, очевидно заметив бронтозавров, выскочил из рожи и, делая крупные прыжки, скакал по пляжу в нашу сторону.

— Хищник и, наверное, опасный! — заметил палеонтолог.

Наш пилот, опытный стрелок, поднял винтовку, выждал приближения зверя и выстрелил разрывной пулей. Хищник свалился на скаку. Из осторожности мы подошли к нему, когда он уже перестал шевелиться.

По форме тела зверь этот походил на игуанодонов, но был стройнее их, что и способствовало быстроте его движений. У него была более крупная голова с большой пастью, снабженной острыми зубами, с большим рогом на переносице и несколькими поменьше на шее. Передние ноги — небольшие, с когтистыми лапами, задние — массивнее, но не такие огромные, как у игуанодонов. Тело было покрыто мелкой чешуей, не стеснявшей его движений. Этот хищник, также похожий на кенгуру, как игуанодоны, был гораздо проворнее их. Судя по быстроте его бега и величине скачков, он был опасным врагом игуанодонов. Но он мог, очевидно, овладеть и неуклюжим, громадным бронтозавром, вскочив ему на нижнюю часть шеи и перекусив артерии.

Едва мы успели рассмотреть этого ящера, как из надвинувшихся густых туч полил дождь, заставивший нас поспешно направиться к своему снаряду и укрыться в нем. Пока мы добрались до ракеты, дождь превратился в проливной, и через сеть ливня почти ничего нельзя было рассмотреть.

Мы прождали несколько часов, но улучшения погоды не было заметно. Так, во время дождя мы и покинули эту мокрую планету, красивый блеск которой, при взгляде на нее издали, очевидно обусловлен густой пеленой туч, окутывающих ее поверхность и отражающих солнечный свет.

Пока мы сидели в ракете в ожидании прекращения ливня, мы могли обмениваться впечатлениями относительно воздуха этой планеты. Воздух Венеры очень теплый и влажный. Мы чувствовали себя, словно в паровой бане, и по нашим лицам струился пот. Солнце пробивалось через тучи только на несколько мгновений, и диск его казался нам вдвое больше, чем с нашей Земли.

Проведя сутки по нашему времени на поверхности Венеры, мы находились вне снаряда только в течение примерно шести часов. Но для первого знакомства с планетой и этой небольшой экскурсии было достаточно. Дальние вылазки в этот первый прилет мы совершить не могли, так как средств передвижения по планете у нас, кроме собственных ног, никаких не было. В ракете не было места не только для автомобиля или самохода, но даже для велосипеда. Впрочем, последний мало пригодился бы нам в здешних условиях.

Поднявшись, мы пробилась опять через густую пелену туч и взяли направление к нашей Земле, которая с Венеры виднелась в виде крупной звезды на небосклоне. Было интересно видеть, как она постепенно увеличивалась, а Венера уменьшалась. Скоро мы смогли уже различать на Земле очертания морей в виде больших ровных темных площадей, тогда как материки представлялись неровными пятнами со светлыми цепями гор, покрытыми снегом, зелеными пространствами лесов, крапинками озер и линиями рек. Мы видели, как менялось освещение, как перемещались очертания материков и морей в связи с вращением планеты.

Когда мы пролетали на наименьшем расстоянии от нашей планеты, перед нами среди похожих на ключки ваты облаков открылось ее западное полушарие. Так как время было около весеннего равноденствия, можно было хорошо различить зимний белый покров Канады, пестрые пятна на территории пустыни в центре материка, переходящие на юге в желтый цвет прерий Техаса, а южнее — темные извилистые цепи Кордильер среди равнин Мексики, уже одевшихся в яркий осенний наряд. Дальше на юге, суживаясь между двумя океанами, пестрела Центральная Америка с извилинами горных цепей.

Мы смотрели на развернутую перед нами карту материка, который не так давно привлекал к себе эмигрантов Старого Света, искавших на нем свободы для приложения своих сил и способностей и бежавших от власти богачей, царей и церкви. Увы, люди были обмануты в своих надеждах! В наши дни это царство Желтого дьявола хочет управлять всей планетой, угрожая ей своими отвратительными щупальцами. Тщетные потуги!

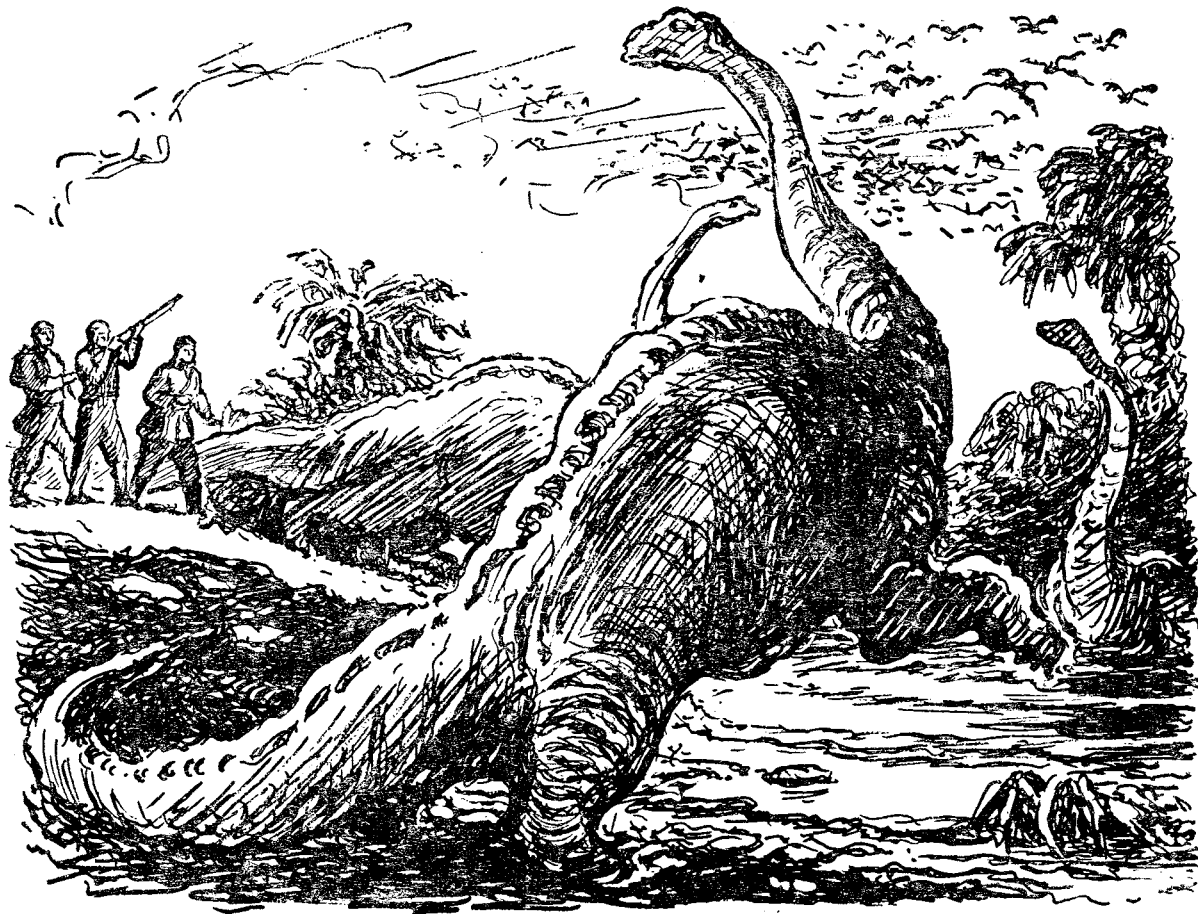
Надежды всего мира обращены сейчас к другой части планеты, которая показалась перед нами, освещенная лучами Солнца. Медленно поворачивался земной шар, и перед нами, как на чудесной панораме, проходили большие просторы нашей советской родины, окаймленной с запада и с востока целым созвездием демократических стран. С волнением и гордостью смотрели мы на огромную часть планеты, где восторжествовали лучшие чаяния человечества. Мы были представителями страны, показывающей путь всему миру.

Но наш снаряд удалялся от Земли.

* * *

Мы увидели диск Луны со знакомыми всем морями и кольцами вулканов. Он скоро остался позади. Ракета держала курс к Марсу — второй и последней станции нашего полета.

Все приборы управления ракеты действовали безукоризненно, и мы могли отмечать приближение к планете

«шаг за шагом», хотя, конечно, «шаги» эти были поистине гигантскими.

Красноватая точка на небе все увеличивалась, и вот планета уже видна в виде большого диска на черно-фиолетовом фоне неба. Сразу бросилось в глаза большое белое пятно на верхней части Марса вокруг его северного полюса, темные и светлые пятна разных очертаний и густоты на остальной части диска. Некоторые из них — темные — тянулись узкими прямыми линиями в разных направлениях, напоминая нам о каналах, будто бы созданных разумными обитателями этой планеты, по мнению некоторых астрономов, высказанному более полувека назад. По временам эти линии застилались словно легкой дымкой, которую можно было истолковать, как присутствие облаков, то-есть влаги, в атмосфере, и надеяться, что на Марсе найдется также и вода. А последняя в виде моря или хотя бы порядочного озера была нам необходима для посадки. Ведь если на планете нет этих условий, нам пришлось бы только облететь вокруг нее и полюбоваться на ее лик с высоты нескольких тысяч метров — на сушу наш снаряд не мог садиться.

Марс постепенно приближался. Все яснее и разно-

образнее становились контуры пятен разных оттенков — зеленого, синего, фиолетового, а граница белой площади на Северном полюсе распалась на бахромчатые фестоны — это были, несомненно, края зимнего снежного покрова. Более отчетливо стали выступать и очертания светлых красноватых площадей разной густоты окраски. Выяснилось, что одни площади, светлокрасные, имели ровную поверхность и, вероятно, представляли моря и озера, а другие, более темные, были морщинистыми и скорее всего являлись горными возвышенностями.

Еще несколько часов полета, и уже нельзя было сомневаться в том, что на Марсе имеется растительность, занимающая большие площади, самых темных цветов — от зеленого до фиолетового, встречается суша красного цвета, вероятно, представляющая собой пустыни, и довольно много крупных и мелких площадей воды, по видимому, неглубоких морей и озер, через воду которых просвечивало их красное дно.

Высмотрев большую площадь воды, от которой отделились два расходящихся под острым углом узких канала, мы удачно опустились на поверхность моря.

— Итак, на Марсе вы обнаружили сушу и воду, а на суше растительность? — воскликнул я. — Значит,

выводы советских ученых о том, что на Марсе есть растительность, подтверждаются.

— Немного терпения! — улыбнулся летчик. — Все узнаете. Продолжаю по порядку. Нужно сказать, что избытком тепла Марс похвастаться не может. Диск Солнца, если его наблюдать с Марса, представляется вдвое меньшим по своему диаметру, чем с Земли. Солнце греет далеко не так сильно, как на Земле, но зато греет ровно, так как облачность на Марсе очень слабая.

— А воздух какой? — поинтересовался я. — Свободно ли дышали?

— Воздух разреженный, как у нас на высоте трех-четырёх тысяч метров высоты. Но он богаче кислородом, чем на Земле, так что дыхание не затруднено. Каких-либо пахучих или вредных газов в составе атмосферы Марса нет, и кислородные маски мы сняли.

— Итак, вы сели без приключений?

— Совершенно свободно — на спокойную воду.

После посадки мы подружили к берегу, не причалить не могли — везде вдоль берегов вода мелкая. Пришлось спустить нашу маленькую складную лодку, рассчитанную на двоих людей, и по очереди перевезти всех. Берег был плоский, из красного песка с мелкой галькой. И почва на Марсе везде красная. Из-за этого даже издали планета кажется красной, почему ее и назвали именем бога войны.

По широкому пологому пляжу мы поднялись вверх. Ширина пляжа доказывала, что здесь бывают сильные волнения, когда вода заливает большие площади плоских берегов, то-есть указывала на наличие сильных ветров. Едва ли ширина пляжа может свидетельствовать о наличии приливов — ведь у Марса спутники очень маленькие.

— Широкий пляж можно объяснить и тем, что моря на этой планете очень неглубокие и частью усохли, — заметил я.

— Совершенно верно! Пройдя десятка три шагов по пляжу, мы встретили опять полосу воды, тянувшуюся далеко в обе стороны, — быть может, остаток последней бури. Итти вброд нам не хотелось. Самый молодой из нас захотел перепрыгнуть через это препятствие, шириной метра в два или полтора. Он прыгнул и — перенесся сразу метров на десять вперед и на два вверх. Наш астроном крикнул ему:

— Вы забыли, что притяжение на Марсе в два с половиной раза слабее, чем у нас на Земле! Поэтому всякое мускульное усилие дает здесь эффект в шесть с половиной раз больше!

Мы все, конечно, повторили этот прыжок через водную преграду и стали подвигаться вверх по пляжу большими скачками, состязаясь друг с другом в их высоте и длине. Таким способом мы легко преодолевали плоские,

по широким валам, которые покрывали этот пляж на протяжении нескольких сот метров.

Так мы добрались до опушки леса. Мне показалось, что я опять очутился на Камчатке, на окраине ее знаменитых зарослей ольховника, через которые только медведи и собаки умеют беспрепятственно ходить по всем направлениям. Эти заросли состояли из толстых, в руку человека, стволов, высотой в полтора-два метра, искривленных в разные стороны и на этой высоте превращавшихся в целую сеть горизонтальных ветвей и веточек, покрытых довольно широкими листьями и цветами.

Листья создавала сплошной и с поверхности почти ровный покров, похожий на толстый ковер, раскинутый во все стороны на некоторой высоте от почвы. Нагнувшись, можно было смотреть между стволами, стоявшими не густо, от полуметра до метра один от другого, пока на некотором расстоянии вдаль взгляд не упирался в решетку этих стволов. Между стволами везде видна была красная почва, поросшая мелкой и негустой травкой. Нагнувшись, человек мог ходить во всех направлениях между стволами, оглябая их то справа, то слева и имея над головой сплошную листву.

Очень удивил нас цвет этой листвы — от темнозеленого до синего и фиолетового. Круглые мелкозубчатые листья были темнозеленые, крупные лапчатые — фиолетовые, а мелкозубчатые, вроде наших елок, — синие. Пройдя десятка три шагов под этим сине-зелено-лиловым сводом, мы остановились: идти дальше, можно было заблудиться. Мрак под сводом листвы сгущался, а в окружающей нас чаще, кроме стволов и толстых ветвей, на уровне зрения ничего не было видно. Чувствовались духота и тепло, как будто исходившие из красной почвы зарослей.

Мы повернули назад, вышли на окраину этого странного леса и прошли вдоль нее на восток километра два. Нейзаж не менялся; можно было думать, что вся растительность Марса имела такой же характер ольховника камчатского типа. Нигде не видно было сколько-нибудь выдающихся вершин деревьев над этим ковром — остро-пирамидальных или округло-куполообразных, как в земных лесах.

Мы прошли еще немного дальше и неожиданно наткнулись на обитателей этих зарослей. Это были четвероногие, ростом с собаку средней величины, с довольно густой шерстью. Она была неровной окраски — с чередованием более светлых и более темных бурых вертикальных полос. Светлые полосы по цвету не отличались от стволов зарослей, и если животное стояло неподвижно, оно становилось совершенно незаметным среди стволов. Мы успели рассмотреть, что животные паслись на ковре жидкой травки по окраине зарослей, срывали ее губами и, очевидно, являлись травоядными. Ни рогов

какой-либо формы, ни острых клыков в пасти у них не было видно. Когда мы приблизились к ним, чтобы разглядеть их получше, они подняли головы, осмотрели нас, растопырив большие треугольные уши, и с хрюканьем бросились в чашу, которая великолепно укрывала их.

Немного дальше мы увидели и пернатых обитателей зарослей. Они были величиной с нашего рябчика и перепархивали по поверхности зарослей, что-то хватая большими клювами — ягоды или насекомых. Они были черные со спины и светлобурые снизу и, вероятно, гнездились на ветвях. А когда над зарослями появилась более крупная птица облика коршуна, медленно планировавшая кругами на некоторой высоте, «рябчики», громко щебетавшие ранее, замолкли и попрятались от этого, очевидно, хищника.

Мы прошли еще минут десять вдоль окраины зарослей и попробовали снова проникнуть в их глубину.

Построившись цепочкой, чтобы не потеряться, и согнувшись немного, мы углубились в чашу. И сразу почувствовали, что под сенью этой густой листвы, образующей сплошной покров, гораздо теплее, чем на открытом воздухе. Приходилось думать, что тепло на самом деле исходило из почвы. Очевидно, теплота передавалась из глубин планеты, а густой покров листьев на деревьях сберегал это тепло, не позволяя ему быстро рассеяться в прохладном воздухе атмосферы Марса. У нашего астронома имелись походные термометры, и мы определили, что в воздухе температура была +20 градусов С, а в самой почве, на глубине нескольких сантиметров, даже +22 градуса С. Нам стало понятно, чем вызвано своеобразие марсианской растительности. Она приспособилась к слабому источнику тепла в виде Солнца и к более равномерному нагреву, исходящему из недр планеты, очевидно хранивших еще большие запасы тепла.

Нас, конечно, заинтересовала и температура моря Марса.

Вернувшись из зарослей на берег, мы произвели измерения и убедились, что морская вода также была теплая и имела +20 градусов С, тогда как температура воздуха в тени в ясный солнечный день достигала только +10 градусов С.

С пляжа мы увидели недалеко красные холмы и направились к ним, так как заросли камчатского типа, населенные хрюкающими четвероногими, не представляли уже большого интереса. По мере приближения к пескам заросли становились все реже и ниже. Затем начались сплошные пески. Это были барханные гряды из светлокрасного мелкого песка, обращенные пологими наветренными склонами в сторону морского берега и поднимающиеся в противоположном направлении постепенно все выше. Мы поднялись по наветренному

склону барханной гряды на ее гребень и увидели впереди такие же дюны или барханы, одну гряду за другой. Очевидно, ветры упорно дуют здесь от берега моря в глубь страны. Можно было представить себе, какие здесь бывают пыльные бури в ненастные дни зимнего полугодия!

Так как день клонился уже к вечеру, мы повернули назад. Растительность на барханах отсутствовала. Только вдали кое-где виднелись отдельные пучки трав и мелкие колючие кусты.

Вернувшись к месту высадки, мы переправились по воде к ракете, поужинали, обменялись впечатлениями, записали их, каждый со своими комментариями, и легли спать.

Сутки на Марсе на полчаса длиннее земных. За ночь мы успели хорошо отдохнуть. А с утра, подкрепившись, стали готовиться к дальнейшему путешествию.

Мы поплыли в ракете по морю. Пейзаж сначала имел тот же характер — вдоль берега тянулись заросли камчатского типа. Мы изучали их из окон нашего снаряда, который плыл вдоль берега на некотором удалении, там, где была достаточная глубина.

Но вот в зарослях появился разрыв; отсюда по направлению на север тянулся широкий канал, окаймленный с обеих сторон теми же деревьями.

Мы повернули и поплыли медленно по каналу, следя за глубиной воды, чтобы не наткнуться на отмель. В воде видны были рыбы разной величины и окраски, небольшие черепахи, а по поверхности плавали черные птицы. Последние при нашем приближении торопливо взлетали, но наш зоолог успел определить, что они более похожи на птеродактилей, то-есть летающих пресмыкающихся мелового периода. Бросались в глаза их большие головы, зубастые клювы и тяжелый порхающий полет, как у летучих мышей; тело их было покрыто скорее мелкой чешуей, чем перьями. Они плавали быстро и, ныряя в погоне за рыбой, уходили почти совсем под воду. Но накануне мы видели в зарослях настоящих птиц, так что можно было заключить, что на Марсе орнитофауна разнообразна.

Канал то сильно суживался и мелел, то расширялся и углублялся. Мы не заметили следов, которые говорили бы об искусственном его происхождении. Предположение о том, что каналы на Марсе созданы разумными существами, пока не подтверждалось. Оба берега канала были покрыты зарослями, листва которых спускалась к поверхности воды. В бинокль мы рассматривали, что эти кустарники покрыты крупными ягодами.

Канал вскоре сузился и так обмелел, что было слишком рискованно двигаться дальше. Мы повернули назад и выплыли снова на простор моря. Здесь мы поплыли по старому направлению. Час или полтора спустя за-

росли на берегу стали редеть. Среди них появились красные песчаные холмы, а затем начались сплошные пески, подобные виденным накануне, с барханными грядами, повышавшимися все более с удалением от морского берега и представлявшими полную пустыню. Мы шли вдоль берега этой пустыни часа два и, не видя признаков перемены ландшафта, решили закончить этим нашу рекогносцировку поверхности планеты.

Можно было заключить, что последняя представляет ландшафт только трех отмеченных нами родов: пеглубокое моря, населенные рыбами, черепахами и птеродактилями; заросли деревьев камчатского типа, населенные четвероногими нескольких видов и птицами; совершенно пустынные сыпучие холмистые пески. Возле обоих полюсов можно было предполагать еще снеговые поля, почти исчезающие летом.

Крупных неровностей рельефа в виде горных цепей и нагорий мы не встретили. При облете планеты они также не попались нам на глаза. Можно думать, что поверхность Марса давно уже сnivelлирована процессами эрозии. Единственные неровности представляют барханные гряды песков, наметенные ветрами.

Нужно заметить, что вода в морях Марса повсюду, где мы ее пробовали, была почти пресная, так что ее свободно можно было пить; в канале она была совершенно пресная. Каналы, вероятно, получают воду из тающих полярных снеговых полей. В зарослях же собирается влага, которая конденсируется из воздуха в барханных площадях благодаря резкому понижению температуры ночью даже в летнее время. Это последнее мы заметили в течение ночи, которую провели на море

Марса. Была середина лета, а после захода солнца температура воздуха упала до $+2-4$ градусов С.

Приходится думать, что жизнь на планете в виде мало разнообразных форм животных и растений ограничена площадями зарослей, согреваемыми поднимающимся из глубин подземным жаром, который распространяется также на прилежащие мелкие моря. Охладившиеся же участки поверхности планеты превращены процессами выветривания в бесплодные песчаные пустыни. Сильные колебания температуры на этих площадях способствовали этим процессам.

Упомяну еще, что из двух спутников Марса, — Фобоса и Деймоса, очень маленьких и близких к планете, мы видели только одного — в виде довольно яркой небольшой луны, которая быстро перемещалась по небу и восходила на западе. Наш астроном сообщил нам, что плотность Марса всего 3,8, то-есть меньше земной (5,5), и поэтому можно думать, что металлического сплошного ядра эта планета совсем не имеет или же оно очень маленькое. Огромное развитие песчаных площадей соответствует этим особенностям внутреннего строения планеты.

Вечером второго дня, видя нашу Землю перед собой на небосклоне, мы поднялись в обратный перелет, который закончился вполне благополучно.

Это было первое посещение планет. За ним последуют более продолжительные экспедиции, которые откроют, вероятно, еще много нового. Советские исследователи первыми ступили на эти планеты. Можно не сомневаться, что они раскроют до конца все загадки этих «попутных» Земли по солнечной системе.

